

Гуманитарные исследования

Володихин Д.М.

Историческая память об Иване Грозном: волны интерпретаций

Аннотация. Статья посвящена теме мифологизации царя Ивана IV в отечественной исторической мысли. Автор подчеркивает наличие двух принципиально противоположных мифов, которые можно условно назвать «либеральным» и «ультраохранительным». В современной публичной истории, исторической публицистике а также научно-популярной литературе, не говоря уже о журналистике, эти мифы фактически вытеснили из массового исторического сознания информацию о действительной судьбе и деяниях первого русского царя. Исчезло присущее еще Н.М.Карамзину видение Ивана IV как сложной, неоднозначной и, в целом ряде случаев, трагической фигуры.

Ключевые слова: царь, Иван IV, исторический миф, история России, политическая история XVI века, массовое историческое сознание, опричнина.

Историческая память об Иване IV прошла через несколько волн истолкования.

Фигура первого русского царя еще на протяжении его правления, а также в ближайшие десятилетия после его кончины получила в русской исторической мысли целый ряд эмоционально окрашенных оценок.

Жизнь и деяния Ивана IV поданы безусловно положительно в государственном летописании середины XVI века, начиная с «Летописца начала царства» и заканчивая Лебедевской, а также Александро-Невской летописями. Особенно много доброго сказано о нем в связи со связием Казани в 1552 г. и Полоцка в 1563 г.

Однако далеко не столь однозначно неофициальное летописание. Так, например, Псковская летопись и особенно Пискаревский летописец наполнены критическими замечаниями в адрес

Ивана Васильевича. Во «Временнике» Ивана Тимофеева апологетические фразы («правую веру в Христа, именно поклонение Троице в единстве и единству в Троице, после своих предков до самой смерти, как пастырь, сохранил непоколебимой и незыблемой») перемежаются с негативными отзывами («возненавидел все города земли своей и в гневе своем разделил единый народ на две половины»). То же самое видим и в Летописной книге князя Катырёва-Ростовского: с одной стороны, Иван IV подан как «муж чюдного разсужения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен»; с другой стороны, «на рабы своя, от Бога данныя ему, жестосерд велми и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби... многия святительския чины заточи и смертию немилостивою погуби...». Наконец, в сочинениях князя Андрея Курбского царь вообще представлен как нравственное чудовище...

Итак, русская историческая мысль допетровского времени сохранила до крайности пестрый, разноречивый портрет государя Ивана Васильевича. Никакой «житийности», «плакатности» и, с другой стороны, никакого сплошного очернения в нем нет. Худое разбавляется добрым, чистое перемежается со скверным.

До середины XIX столетия в русской исторической науке бытовало именно такое, противоречивое, пестрое и, судя по древним русским источникам XVI—XVII вв., вполне адекватное отношение к фигуре Ивана IV. Даже Н.М. Карамзин, ныне несправедливо обвиняемый чуть ли не в надругательстве над памятью о грозном царе, на самом деле сотворил столь же полихромный его образ. У Карамзина в судьбе Ивана Васильевича причудливо перемешиваются величие и злобное кровопийство. Его Иван Грозный страшен, но это все же фигура значительного масштаба, поддавшаяся очарованию зла в обстоятельствах крайнего напряжения духа и критического состояния державы.

Портрет «кисти» Карамзина, в сущности, адекватен русским источникам, созданным в царствование Ивана IV или же поколением-двумя после него. Сегодня отчаянные гипер-патриоты ругают Карамзина. Дескать, масон, враг России, враг монархии, лукавый агент чужих злобных сил.

Спор о том, сколь сильна и продолжительна в творчестве Карамзина масонская мелодия, -- давний. Еще А.Н. Пыпин обвинял историка в том, что силен привкус масонства в его идеях. Тот же Страхов Н.Н. решительно отвечал: «Г. Пыпин уверяет, что масонство имело неизгладимое влияние на Карамзина. Неправда! Карамзин ему не поддался...» И, действительно, недолго побыв в масонах, Николай Михайлович совершенно от них отвратился. Позднее он принципиально не имел с ними общих дел.

Ныне Карамзина опять окунают в масонское подполье, отбирая у него честь русского государственного человека, доброго христианина и царского слуги. Обвинения эти основываются, главным образом, на свидетельствах... самих масонов высокого градуса, когда-то лукавым образом порочивших Карамзина, который покинул их ряды, чтобы уже не вернуться назад до

конца жизни. Эти «свидетели» хотели бы замарать Карамзина перед властью, а потому щедро приписывали ему то, чем сами жили и чем он побрезговал.

Кляузы двухвековой давности получили в русском патриотическом сообществе наших дней до странности широкое распространение. Николая Михайловича винят прежде всего в том, что он, выполняя некое задание «вольных каменщиков», скверно отзывался о первом русском царе Иване IV.

В наши дни широко разлившаяся любовь к государю Ивану Васильевичу есть отчасти ответ на либеральное к нему презрение в 90-х, отчасти – ответ естественного народного желания по-опричному посадить на кол всех псов Запада и коррупционеров, каковые видны в правительственных сферах (да ниже, до уровня простых чиновников), отчасти же – нота в большой хвалебной песни о Сталине, звучащей ныне на каждом углу. Сталин Грозного любил, Сталин, как и Грозный, тоже много казнил, так восславим же царя за его сходство со Сталиным! – вот лейтмотив очень многих выступлений в публичной сфере. Мало кто обращает внимание на то, что Иван IV и Сталин фигуры бесконечно разные – и культурно, и психологически, и политически.

Как ни парадоксально, громогласная хвала Ивану Васильевичу имеет в наши дни больше «левого», «красного» в своей консистенции, нежели консервативного и христианского.

Ну а теперь стоит разобраться с тем, что именно, как и почему писал Карамзин об Иване Грозном.

Прежде всего, для тупой и незамысловатой задачи «очернения» Николай Михайлович написал о государе слишком много хорошего. Укоряя Ивана IV в чудовищной жестокости, называя его тираном и мучителем, Карамзин все же не забывал отдать должное и его положительным свойствам: помянул добрым словом царский «превосходный разум» и обширные знания; отметил строительство многочисленных годов, крепостей; похвалил ревностную неутомимость царя в государственной деятельности: «Любил правду в судах, сам нередко разбираал тяжбы, выслушивал жалобы, читал всякую бумагу, решал немедленно, казнил утеснителей народа, сановников бессовестных, лихоимцев, телесно и стыдом».

«Черное» и «белое» перемешаны тут в равных пропорциях. Точнее, у Карамзина просто нет чисто черной и чисто белой красок. Он любил обсудить с читателями облик и деяния монархов. Порой высказывался критически (и не только об одном Иване IV, но и, например, о Екатерине II, хотя и восхищался царствованием ее). Но что в том необычного? Что в том худого? За свирепость обличал Ивана IV еще святой Филипп, митрополит Московский. Об иной монаршей особе, императрице Евдокии, гневные слова произнес св. Иоанн Златоуст. А Святой Амвросий Медиоланский спорил с императрицей Юстиной, и та уступила.

Царский сан требует обязательного почтения, но царь как человек не свят и не безгрешен.

Историк создал сложную, наполненную трагическими нотами историю нравственного роста и падения Ивана Грозного. Против монаршего сана он не выступил нигде, но жестокость государя он показал как нечто ненужное и к добрым последствиям отнюдь не приведшее.

Напротив, Карамзин сочувствовал старомосковскому самодержавию. Отступление от него, как полагал историк, приводило к правлению «многоглавой гидры аристократии», намного более тяжелому и вредному для страны.

Так, по словам Карамзина, поскольку в детстве Иван IV не мог иметь действительной власти, а его мать, регентша Елена Глинская «...действовала по внушениям совета, то Россия видела себя под жезлом возникающей олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей. Самодержец гневный уподобляется раздраженному божеству, пред коим надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имеют сей выгоды в глазах народа: он видит в них людей ему подобных и тем более ненавидит злоупотребления власти». В 1547 году, после подавления большого бунта, вызванного самовольством той же аристократии, государь Иван Васильевич ведет себя с подлинным величием, защищая истинное право самодержца: «Мятежное господство бояр рушилось совершенно, уступив место единовластию царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы; созвал святителей, умиленно каялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился святых тайн», -- затем последовало принятие царского титула и женитьба на Анастасии Захарьиной-Юрьевой.

Падение произошло с годами. Под пером Карамзина оно предстало увечьем для личности государя. Но и после того, как проявились горькие признаки падения, Карамзин все же не прибегает в однозначному очернительству в отношении царского характера, а рисует его живо, в красках яркой жизненной силы, противоречивости и тяжелой внутренней борьбы.

«Любопытно видеть, как сей государь, -- пишет Карамзин, -- до конца жизни усердный читатель христианского закона, хотел соглашать его божественное учение с своею неслыханною жестокостию: то оправдывал оную в виде правосудия, утверждая, что все ее мученики были изменники, чародеи, враги Христа и России; то смиренно винился перед Богом и людьми, называл себя гнусным убийцею невинных, приказывал молиться за них в святых храмах, но утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением и что он, сложив с себя земное величие, в мирной обители св. Кирилла Белозерского со временем будет примерным иноком!»

А что следовало написать Карамзину? Выдать солнечное повествование о немислимо совершенном, мудром, стратегически мыслящем победителе всех и вся? Но это невозможно без лжи. Требуют ли от историка Бог и совесть лгать о язвах Отечества ради «текущего момента», «единения народа» и «политической необходимости»? Нет, ничего такого нет в нашей вере, да и

в нашей культуре. Напротив, рассказывать надо то, что было на самом деле, всё прочее – низость.

Так в чем следует обвинять Карамзина? В том, что он не захотел превращать русскую историю в набор лозунгов? В том, что он поставил истину выше агитационных удобств «текущего момента»? В том, что он презрел ура-патриотическую простоту во имя сложности действительной истории?

Так это следствие добродетелей его, а не злокозненности ума.

Но позднее, после Карамзина, всё менее видно в толкованиях историков неоднозначности, всё больше либо черного, либо белого. Костомаров к первому русскому царю беспощаден, да и Ключевский, в сущности, тоже. Соловьев и Платонов, скорее, близки к панегирику...

Русская общественная мысль середины XIX – начала XX в. начинает «осваивать» историю как глину, назначенную к строительству каких-то куртин, бастионов и кронверков для борьбы за «истины» текущего момента. Слова и деяния монарха Руси московской все чаще становятся неразборчиво используемыми «кубиками» из конструктора, предназначенного к возведению общественно-политических концепций, которые намертво связаны с современностью.

Советское время усилило этот наклон исторической мысли. В эпоху Сталина первый русский царь был поднят на «пьедестал почета», позднее развенчан заодно с «отцом народов».

1990-е гг. ничего, в сущности, не изменили. Более того, именно тогда негативный миф об Иване IV принял форму законченную и необыкновенно устойчивую. Под соусом похорон СССР столь сильны стали разговоры о «вечной отсталости» русского народа, о «вечном деспотизме» и не менее «вечном» холопстве в России, о «консервирующей» роли православия, что Иван IV пришелся очень кстати – как своего рода аналог Сталина в XVI столетии, мракобес, тиран, деспот, «коварен, злопамятен» и тому подобное. Имя его склонял всякий сколько-нибудь заметный публицист либерального «лагеря» в общественной мысли. «Вы же видите, и пять веков назад здесь была не страна, а выгребная яма», -- примерно такой вывод делался очередным оратором после того, как он перечислял «правильным» образом отобранные поступки Ивана IV.

«Нулевые» и особенно 2010-х гг. принесли в общественную мысль России явственный поворот к государственничеству и патриотизму.

Столь сильна оказалась «отдача» 90-х, что огромное количество публицистов, журналистов и даже ученых охранительного направления пошли по пути перекрашивания «черного» -- там, где этот цвет на историю России нанесли либерально настроенные риторы, -- на чистейшее белое. Без особых раздумий, как говорится, «на автомате». И тут, конечно же, вновь не обошлось без «ста скачков мимо заставы». Миф о жизни и действиях Ивана IV, который можно назвать «либеральным», «западническим» или же «прогрессистским» очень быстро сменился... нет, не поворотом к историческим фактам, а новым мифом, на сей раз ультра-охранительным. Как,

впрочем, началась «рокировка мифов» и в других областях истории, а заодно и настойчивое припоминание третьей разновидности мифов – «красных», т.е. порожденных еще советским идеологическим аппаратом. Кстати, что касается фигуры Ивана Грозного, миф красный и ультра-охранительный совпали (за исключением ряда частностей).

Итак, ниже следуют два мифа о государе Иване Васильевиче в их концентрированном, можно сказать, неразведенном виде.

Либеральный миф: на русский трон вошло исчадие ада – безумный или, как минимум, полубезумный маньяк, кровавый злодей, личность деспотическая, а потому совершенно органичная для России, где сверху донизу все рабы и все воруют; он убивал и калечил любые ростки свободы или вольномыслия, уничтожал даже самые ничтожные демократические всходы в русском обществе своего времени; он погубил всякую правду в Русской церкви, которая и до него отличалась садическим насилием в вопросах веры, а при нем еще и холопски согнула спину перед тронном; он провел между Россией и Западом глубокую борозду, до крайности затруднившую плодотворный диалог с Европой, принятие высокой европейской культуры; в его лице русская государственная тирания получила самое полное олицетворение.

Ультра-охранительный миф: великий государь был дальновидным стратегом и радетелем за землю Русскую; он много казнил, но так и следовало поступать, поскольку приходилось каленым железом выжигать измену, выметать ее поганой метлой из потаенных уголков державы; это был подлинно православный человек, всегда и неизменно защищавший устои истинного Православия; это был талантливый полководец, всегда и неизменно приводивший русское воинство к победе; он последовательно отстаивал русскую самобытность (только и сохранившую христианские истины после того, как они пали по всему миру) от лукавых поползновений европейских поработителей и, в конечном итоге, не позволил им завладеть Россией и растлить ее духовно.

Что ж осталось только добавить: одна сторона спешит приписать Ивану Васильевичу, ко всему прочему, еще и физическое безобразие, а вторая утверждает, что это был могучий человек, да и лик его был светел...

Либо черное, либо белое, либо белое, либо черное...

Не осталось места для исторической истины, поскольку это место в массовом историческом сознании занято мифами, а мифы имеют тенденцию с течением времени превращаться в лозунги на знаменах. Два «лагеря» выводят своих «бойцов» на баррикады, те бесконечно скандируют одни и те же лозунги, жестоко наказывают «отступников» и угрожают «отлучением» усомнившимся.

Серый, унылый, «одноробразный пейзаж»...

Фактически произошло страшное упрощение, уплощение общественной мысли. Война «лагерей» создала интеллектуальный режим, в рамках которого за ненадобностью отбрасывается всё сколько-нибудь сложное и безобразно искажается всё, сколько-нибудь не соответствующее незамысловатому лозунгу.

Именно так проявили себя «лагеря» в лютой полемике, связанной с установкой в Орле памятника Ивану Грозному осенью 2016 г. Лихо даже не в том, что ни одна из сторон не прислушивалась к доводам оппонентов. Хуже другое: ни одна из сторон не удосуживалась сколько-нибудь серьезно аргументировать «истины», начертанные на собственном знамени. Сражение велось... даже не в поле исторической мифологии, а в поле пошлого скандала в духе бешеной кухонной склоки между соседями по коммунальной квартире. Не мифы проявлялись – наскоро выломанные и наспех заостренные детали мифов.

Противники не понесли никакого урона. Урон понесла русская культура и русская историческая память.

Между тем, нелепо ожидать, что хотя бы один из этих двух мифов окажется близок к исторической истине, то есть, попросту говоря, к правде факта.

Иван IV формально являлся русским государем с 1533 г. – с момента смерти его отца, великого князя московского Василия III. Бремя власти свалилось на Ивана Васильевича, когда он еще не покинул младенческого возраста. Ушел из жизни он в 1584 г., то есть 51 год спустя. Реально Иван IV принимал участие в государственном управлении со второй половины 1540-х гг. или, может быть, с начала 1550-х. Иными словами, примерно три с половиной десятилетия. Это очень много. За столь длительный период никто – ни самый черный злодей, ни самый светлый герой – не сможет проявляться в одном цвете, черном ли, белом ли. Разве только в сказке! А в жизни -- не избежать «пестроты».

К тому же, как можно было убедиться, отношение к первому русскому царю самих современников Ивана IV и их ближайших потомков весьма далеко от какой-либо однозначности.

Следовательно, стоило бы отказаться от обоих мифов разом и попробовать, перефразируя классика, подвести баланс побед и поражений Ивана Васильевича во всех делах, которые касаются Российской державы. Дела семейные оставим в стороне, не они составляют суть трудов правителя. А уж итог можно трактовать к прославлению государя или же к его осуждению.

Итак: в «активе» правления Ивана IV – взятие Казани (1552), в котором царь участвовал лично, притом в некоторые моменты рисковал собственной жизнью; взятие Полоцка (1563), где монарх лично руководил войсками; ряд побед в Ливонии в 1570-х, когда он, опять-таки, лично предводительствовал в русском воинстве; введение государственно-церковного книгопечатания в Москве – вновь дело, в котором государь принял персональное участие; введение нового, обновленного Судебника, т.е. свода общегосударственных законов (1550); учреждение

стрелецкого войска, успешно использовавшегося вплоть до Петровской эпохи; обширное строительство, прежде всего, храмовое и крепостное; принятие царского титула, воспринимавшегося как часть константинопольского духовно-политического наследия и возвысившего московских государей над средой служилой аристократии. Сюда можно бы добавить присоединение богатого Астраханского ханства и одоление крымцев на Молодях, но с тою оговоркой, что дело обошлось без участия правителя, усилиями его воевод. Многие прилагают к достижениям грозненской эпохи еще и взятие Западной Сибири, но это уже преувеличение: Ермак, проторивший путь в Сибирь, погиб, предприятие его пало, а оставшиеся в живых соратники вернулись в коренную Россию. Лишь позднее, уже при царе Федоре Ивановиче, Московское царство далеко продвинулось в Сибирь.

В «*пассиве*» также немало: со времен Дмитрия Донского татары не жгли русскую столицу, а при Иване IV спалили ее, да еще нанесли при этом страшный урон русской армии (1571); большая война Ливонская завершилась неудачно для России – страна потеряла все завоевания, и, к тому же, вынуждена была отдать шведам, т.е. иноземцам и иноверцам, часть Северной Новгородчины с несколькими городками, населенными русскими православными людьми; видно тяжелое унижение Церкви, доходившее до насильственного свержения архиереев, травли их медведями и прочих издевательств, физического уничтожения священников, монахов и иноческих властей; источники свидетельствуют об экономическом и демографическом оскудении России к началу 1580-х. Здесь бы следовало также сделать оговорки: русская знать научила монарха еще в детские его годы дикому, выходящему за всякие рамки приличия презрению к духовному авторитету церковной иерархии (не он, так сказать, начал...); а разорение страны отчасти происходило не только от изнурительной для народа политики правительства с правителем во главе, но и от эпидемий, в которых царь не волен.

Остался «исторический эксперимент» опричнины. Она задумывалась как большая государственная реформа, должна была упростить и, какой-то степени, вырвать из-под контроля у высокородной титулованной знати управление державой, обеспечить государя мобильным, легко управляемым, храбрым и верным воинством. Изначально «карательные функции» опричнины были невелики и не играли сколько-нибудь значительной роли: десяток-полтора казненных за первые три года опричнины, не более того. Такое могло быть и в «обычном режиме», безо всякой опричной реформы. Лишь сопротивление ей, вызванное катастрофически неудачной, торопливой, непродуманной земельной политикой, спровоцировало массовый террор: одних лишь строго документированных жертв – более 4000 человек, в том числе множество ценных военных кадров (воевод, воинских голов). Сами множественные казни, скорее всего, представляют собой плод «европейского соблазна». В XVI в. Европа пошла по маршруту религиозных войн, сильно обесценившему жизнь человеческую, а потому показала Руси (чья православная политическая культура веками чуждалась государственного террора) скверный пример того, как решать политические проблемы через большую кровь... Опричная реформа пошла не так, как задумывалось, слишком «революционно» и не слишком результативно. Опричная армия, на которую возлагались особые надежды, самостоятельно не добилась ни

одной крупной победы, за исключением, пожалуй, разгрома татарского отряда под Зарайском в 1570 г. В 1572 г. сам Иван IV отменил опричнину как неудавшуюся затею, как дорого стоившую ошибку, более того, запретил ее даже помянуть вслух. А на протяжении последних лет жизни государь отправлял по монастырям щедрые пожертвования вместе с синодиками убиенных в лета массовых казней, т.е. духовно эволюционировал к покаянию в содеянном.

Итог: правление Ивана IV не составляет ни однозначно светлой, ни однозначно темной страницы русской истории. Оно пестро. Петра и сама фигура правителя. Проходя последовательно стадии угнетенного сироты, масштабного реформатора и полководца, жестокого карателя, Иван IV в конечном итоге пришел к стадии кающегося христианина. Удачи и неудачи большой политики нерасторжимо связаны в его судьбе с максимумами веры. Совершая то верные шаги, то губительные, царь шел по пути православного человека, падающего в соблазн и восстающего от греха.

Что осталось отдаленным потомкам русских людей грозненского века? Проклинать? Восхищаться? Ни то, ни другое не приемлемо. Думать над сложными нравственными и политическими уроками того времени, размышлять над сложностью и пестротой его, -- вот плодотворный путь. Иван IV – сложная, трагическая фигура, обуреваемая поистине шекспировскими страстями. Царствование его представляет собой высокую трагедию и для государя, и для его державы.

Интеллектуальное преступление – упрощать ту эпоху, лепить из нее лозунг, вымазывать одним белейшим белым или одним чернейшим черным. В сложности ее заключено благо: повод для духовного совершенствования... а не для баррикадных потасовок.

© Володихин Д.М., 2017.

Статья поступила в редакцию 10.04.2017.

Володихин Дмитрий Михайлович,

доктор исторических наук, профессор,

исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва),

e-mail: volodih@yandex.ru

Volodihin D.

Historical memory of Ivan the Terrible: waves of interpretations

Abstract. The article is devoted to the theme of the mythologizing of Tsar Ivan IV in the Russian historical thought. The author emphasizes the existence of two fundamentally opposing myths (so called "liberal" and "hyperconservative"). In modern public history and historical journalism as well as popular scientific literature, and, especially, journalism, these myths are actually pushed valid information about

the fate and deeds of the first Russian Tsar out. Karamzin's vision of Ivan IV as a complex, ambiguous and, in many cases, tragic figure is in the process of disappearance.

Key words: Tsar, Ivan IV, a historical myth, Russian history, political history of the XVI century, mass historical consciousness, the oprichnina.

Volodihin Dmitriy Mikhaylovich,

D. in History,

Historical faculty of MSU named after M.Lomonosov (Moscow)